Исторический вестник. 2024. Т. L.
DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.009

В.В. Хутарев-Гарнишевский,
А.С. Жданов

«НОЧЬ КОШМАРНЫХ УЖАСОВ». ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КРОНШТАДТЕ В МЕМУАРАХ НАЧАЛЬНИКА ОСОБОГО ОТДЕЛА БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В.В. ВЛАДИМИРОВА

В 2019 г. был опубликован сборник воспоминаний и документов «Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.». В книгу вошел ряд архивных материалов: 1) показания, данные в 1925 г. на допросах в ОГПУ бывшим помощником начальника Кронштадтского жандармского управления и начальником Особого отдела Штаба флота Балтийского моря В.В. Владимировым; 2) записка — политический памфлет А.А. Хребтова «Остров Эзель во время войны 1914–1915 года»; 3) делопроизводственные документы политического сыска и военной контрразведки: рапорты, отчеты, послужной список и другие служебные документы Владимирова, документы адмирала В.А. Канина, директора Департамента полиции МВД С.П. Белецкого, начальника Кронштадтского жандармского управления В.В. Тржецяка и многие другие[1]. «Изюминкой» работы стал полный список секретных сотрудников, осведомителей, рабо-

[1] *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.: Сборник воспоминаний и документов. М.: Фонд «Историческая память», Родина, 2019. 304 с.

Владимир Владимирович Владимиров. 1910-е гг.
Columbia University. Bakhmeteff Archive

тавших на жандармерию на Балтийском флоте, с их биографическими сведениями, восстановленными В.В. Хутаревым-Гарнишевским. Работа была оценена положительно военно-морскими историками и удостоена нескольких научных рецензий[2].

Однако дальнейшее исследование биографии и деятельности В.В. Владимирова было затруднено в связи с отсутствием информации о нем после ареста в 1925 г. Не сохранилось сведений ни о политическом репрессировании бывшего жандарма советской карательной системой, ни о его отъезде в эмиграцию. И только в конце 2023 г. в Бахметевском архиве Колумбийского университета были обнаружены бумаги Владимирова: мемуары, состоящие из 22 исторических очерков, личные письма, фотографии, документы дореволюционного и советского периода. Из очерка «Под советской властью» выясни-

[2] *Бажанов Д.А.* Призраки измены? Размышления о работе В.В. Хутарева-Гарнишевского «Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910–1917 гг.: Сборник воспоминаний и документов». М., 2019 // Исторический вестник. 2020. № 31. С. 222–229; *Веледеев А.* В борьбе с изменой на флоте. Кронштадтский жандарм свидетельствует // Морской сборник. 2022. № 8. С. 92–94.

лось, что 11 ноября 1925 г. после продолжительных допросов сотрудниками ОГПУ Владимиров вышел из Дома предварительного заключения в Ленинграде под подписку о невыезде и скрылся. А в ночь с 26 на 27 декабря 1925 г. он при помощи проводника перешел советско-эстонскую границу недалеко от Нарвы. Неизвестно, сколько лет или месяцев жандармский подполковник проживал в независимой Эстонии, но покинул ее он не ранее 3 марта 1926 г., когда был сфотографирован таллинской полицией на документ, удостоверяющий личность. Впоследствии автор мемуаров выехал в Бразилию, где и поселился в местечке под названием Пиражу — курортном пригороде Сан-Паулу. Точное время переезда неизвестно, но это произошло не позднее 14 декабря 1942 г., когда им была опубликована статья «Непротивление злу» с критикой русских эмигрантских и иностранных «советофилов».

Хранящаяся в Бахметевском архиве рукопись воспоминаний напечатана на печатной машинке в дореволюционной орфографии. Каждый очерк датирован и подписан личной подписью Владимирова. Подпись идентична автографам на его служебных документах, хранящихся в Государственном архиве РФ и Российском государственном военно-историческом архиве, что подтверждает подлинность публикуемой рукописи. На листе-заверителе коллекции бумаг Владимирова указан также их провенанс. Они были написаны автором в период с 1 мая 1951 г. по июль 1955 г. и приобретены Колумбийским университетом частями в течение 1952–1956 гг., вероятно, также частями. В открытых документах Государственного архива Бразилии нами обнаружен сертификат о смерти В. Владимирова (Wladimir Wladimirov), которая была зарегистрирована в Сан-Паулу 8 декабря 1959 г. Личные и семейные данные умершего, указанные в сертификате, совпадают с биографическими сведениями Владимирова.

Вниманию читателя представлен отрывок из очерка Владимирова под названием «Февральская революция в Кронштадте», завершенного автором 28 июля 1953 г. в Пиражу. Целиком очерк будет опубликован в предполагаемом полном издании мемуаров В.В. Владимирова, над которым сейчас ведется работа. Первые 30 из 44 машинописных листов очерка посвящены событиям, происходившим в Кронштадте с 18 февраля 1917 г., когда были получены сведения о возможных революционных волнениях, по 18 марта, когда Владимиров выехал из Кронштадта в Петроград. Воспоминания иллюстрируют атмосферу растерянности органов власти и командования

Балтийского флота, которая парадоксальным образом сочеталась с полной осведомленностью о происходящих событиях и трезвым пониманием перспектив. Посуточно, если не по часам восстановлены действия Владимирова, как начальника Особого отдела Штаба флота Балтийского моря, отвечавшего за политическую безопасность на флоте и в местах базирования. Владимиров оперативно информировал адмиралов А.И. Непенина и Р.Н. Вирена о ходе революции в Петрограде, постоянно связываясь с товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты И.К. Смирновым, который был не только близким другом Владимирова, но и многолетним вице-директором Департамента полиции МВД. Также контрразведчик заблаговременно за несколько дней до революционных волнений предоставил информацию, в каких воинских частях готовилось восстание. Современный исследователь Февральской революции на флоте А.В. Смолин в сравнительно-биографическом очерке, посвященном А.И. Непенину и А.В. Колчаку, приводит даты и время получения сохранившихся в архивах телеграмм Владимирова, что подтверждает точность приводимых в публикуемых мемуарах сведений[3]. Однако Владимиров не знал о наличии на Балтийском флоте революционного кружка, которым руководил его непосредственный шеф — начальник разведывательного отделения Штаба флота капитан 1-го ранга И.И. Ренгартен. Так что нам остается лишь гадать, в каком ключе им был интерпретирован текст телеграмм при докладе командующему флотом. Красочно описан бунт солдат и матросов, который сопровождался спорадическими актами насилия против офицеров и представителей власти.

Текст воспоминаний публикуется согласно правилам современной орфографии и пунктуации русского языка, сокращения раскрыты. Автор мемуаров имеет склонность к использованию сложносочиненных и сложноподчиненных конструкций чрезмерной длины в одном предложении. Поэтому для удобства восприятия текста некоторые сложносочиненные предложения были разделены на два без внесения изменений в текст. Публикаторы выражают благодарность за неоценимую помощь в поиске и работе над источником Ольге Ивановне Колган и Анне Христофоровне Шульгиной, без которых этот материал не увидел бы свет.

---

[3] *Смолин А.В.* Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 55, 59–62.

В.В. Владимиров
Февральская революция в Кронштадте (отрывок)

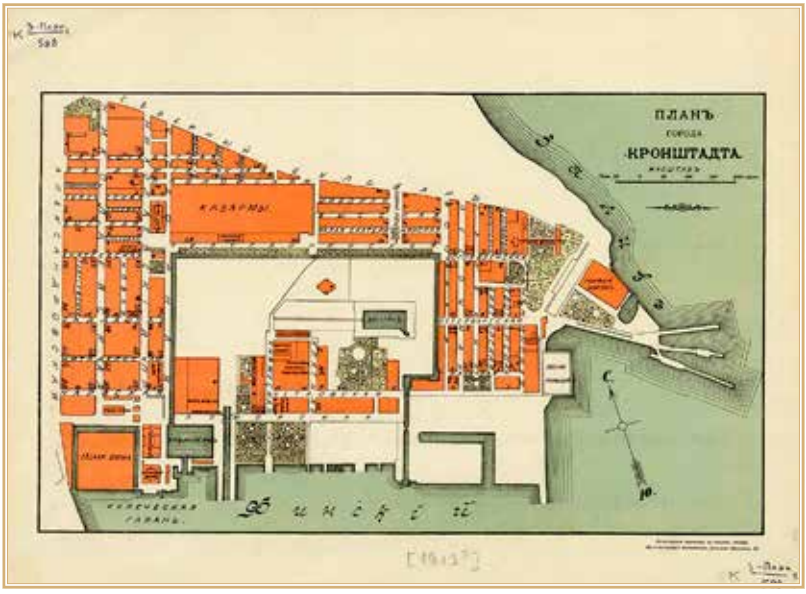
В начале февраля месяца я, проходя по Эспланаде, в Гельсингфорсе, был остановлен подъехавшим на автомобиле командующим флотом адмиралом Непениным[4], который пригласил меня сесть вместе с ним в автомобиль, так как ему надо поговорить со мной. В течение короткого переезда от ресторана «Кемп» и до ворот порта он только успел спросить меня, что я думаю относительно общего положения и того напряженного состояния, которое создалось в настоящее время в Петербурге и на фронте, начиная с конца прошлого года. Я сказал, что обо всем этом необходимо более продолжительное собеседование, которое невозможно в течение 2–3 минут. Адмирал мне сказал, что он хотел вызвать меня в штаб, но что завтра он предполагает пройти на ледоколе в Ревель, а потому лучше всего, если я завтра прибуду к отходу ледокола «Царь Михаил Феодорович»[5] с пристани в порту. Во время перехода в Ревель мы будем иметь возможность переговорить с глазу на глаз в каюте лучше, чем в штабе. На следующий день утром я прибыл на ледокол и имел продолжительный разговор с адмиралом в его каюте.

Необходимо дополнить, что И.К. Смирнов в середине 16-го года оставил должность вице-директора департамента полиции и перешел на службу по министерству юстиции, заняв место товарища прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты и потому моя осведомленность о всем, что происходило в империи, несколько уменьшилась. Директором же департамента полиции был назначен тоже хороший знакомый товарищ прокурора Санкт-Петербургского окружного суда Алексей Тихонович Васильев, но, однако, я интимных отноше-

---

4 *Адриан Иванович Непенин* (21 октября 1871 — 4 марта 1917) — вице-адмирал, с 16 сентября 1916 г. командующий флотом Балтийского моря, проявил нерешительность во время Февральской революции, признал Временное правительство. Во время волнений в Гельсингфорсе убит пьяными матросами эскадренного броненосца «Император Павел I».

5 Ледокол «Царь Михаил Феодорович», наряду с ледоколом «Красин» (историческое название «Святогор»), является одним из двух сохранившихся до сего дня русских ледоколов дореволюционной постройки. Построен по заказу царского правительства немецкой верфью Stettiner Maschinenbau AG Vulcan в 1913 г. Входил в состав Балтийского флота. Временным правительством переименован в «Волынец» в честь Волынского полка, первым поднявшего мятеж в феврале 1917 г. В 1918–1922 гг. в составе финского флота под названием «Вяйнямейнен», а с 1922 г. в составе эстонского флота под названием «Суур Тылль» (Suur Tõll). На данный момент постоянно находится в Эстонском морском музее в Таллине.



План Кронштадта. 1913 г.

ний с ним не имел и у него как частный знакомый не бывал, и потому кроме хороших служебных отношений между нами [ничего] не было. По некоторым сведениям, [он] недавно умер в Париже. Ввиду сего мои общие сведения о состоянии умов и напряженности в стране были несколько ограничены. Однако при разговоре с адмиралом Непениным я ему изложил свое мнение, что, насколько мне известно, общее настроение в Петербурге напряженное и оппозиционные круги, как в Думе, так и в обществе, настроены враждебно к правящим сферам и к самому государю и особенно императрице. Говорят, что великие князья тоже принимают участие в оппозиции совместно с великосветскими салонами, где почти открыто обсуждаются вопросы о низложении императора и заключении в монастырь императрицы. В салоне великой княгини Марии Павловны, вдовы великого князя Владимира Александровича, будто бы, говорят о возведении на престол великого князя Кирилла Владимировича.

Работа революционных организаций идет своим чередом главным образом в казармах в Петербурге и окрестностях, но это вне зависимости от процесса думских депутатов, преданных суду за составление «заговора». Однако многие из партийных работников главным образом партии социалистов-революционеров оставили партийную деятельность на время войны и служат в армии офицерами и на разных должностях. Пропаганда ведется в Кронштадте в порту и на судах и остановить ее при существующих порядках и общем настроении невозможно.

В числе руководителей оппозиции называют А.И. Гучкова, [М.И.] Терещенко, П.Н. Милюкова, М.В. Родзянко и других. Кроме того, у нас в Гельсингфорсе в санатории находится «на отдыхе» член Государственной думы и в то же время состоящий в партии социалистов-революционеров А.Ф. Керенский, которого посещают много его знакомых, приезжающих из Петербурга. Но кто именно бывает у него, ввиду невозможности вести наблюдения агентуре генерала Еремина, установить нельзя. Что касается общего настроения матросской массы, то оно, как ему известно из моих докладов, тоже довольно напряженное и подобно бочке с порохом, в которой протянут зажигательный шнур и только не хватает поднести к нему спичку. Однако на судах нельзя пока ожидать взрыва, до того времени, пока не будет дан сигнал из Петербурга или Кронштадта. Принимать какие-либо меры для подавления или вернее рассеяния этого настроения в виде обысков или арестов на кораблях не следует, так как это может вызвать нежелательное сопротивление и ухудшить и без того тяжелое положение.

Та система, которая нами применялась еще по соглашению с адмиралом Эссеном и продолжалась до сего времени при его, адмирала Непенина, одобрении, — это не допускать образования каких-либо революционных ячеек или организаций, в чем мы расходились с системой, применявшейся остальными розыскными органами, от которых прокурорский надзор требовал, чтобы при производстве ликвидации были бы непременно представляемы вещественные доказательства принадлежности к преступной организации. Эта система, которая была осуществлена при ликвидации организации на «Рюрике», где с одобрения департамента полиции статский советник Дьяченко[6] завербовал матроса Орлова, как секретного сотрудника, и только тогда, когда там сформировалась организация, была произведена ликвидация[7]. В результате, как известно, военно-морской суд приговорил матросов к каторжным работам, но они были помилованы и оказались героями и защитниками прав матросов, и защитниками их от гнета царского режима. Наша же система, как известно, заключается в том, чтобы по получении сведений

---

6 *Венедикт Антонович Дьяченко* (род. 12 марта 1870 г.) — на службе в Департаменте полиции МВД с 1906 г. Статский советник. Чиновник особых поручений, в 1916 г. заведующий 9-м делопроизводством.

7 *Петр Тимофеевич Орлов* — из крестьян Торжокского уезда Тверской губернии, машинист первой статьи на крейсере «Рюрик», секретный сотрудник (осведомитель) Кронштадтского жандармского управления с мая 1911 г. под кличкой «Патриот». В 1912 г. своим донесением смог предотвратить восстание на судах Балтийского флота.

о какой-либо деятельности или простой болтовне кого-либо из матросов, сообщать командиру корабля имя этого лица, который просто призывал этого матроса и предупреждал его, что в случае повторения его болтовни дело может окончиться для него плохо. Как известно, после процесса 1912 года болтовня прекратилась, и никаких организаций на судах более не возникало.

Этот наш разговор с адмиралом я очень хорошо помню, само собой не в точности тех словах, в которых я его сейчас воспроизвел, но общий смысл изложен точно. Наше собеседование длилось более полутора часов, и адмирал Непенин, сам очень хорошо знакомый с делом разведки, понимал прекрасно все сказанное мною. То, что я ему передал о петербургских настроениях, ему тоже известно, но ему как высшему военному начальнику только остается быть верным данной присяге и воинскому долгу, не принимая участия ни в каких интригах и политических комбинациях, а ожидать лишь внешних распоряжений.

Будучи в Ревеле, я имел свидание со своим «резидентом», который мне сообщил, что один из наших осведомителей, будучи в публичном доме в Ревеле, разговаривал с одним из матросов с миноносца, который, в пьяном виде и бахвалясь, говорил, что ему поручено убить командующего флотом адмирала Непенина. Кем поручено, он не сказал. Фамилии этого матроса осведомитель не знает, но на ленточке у него было написано название миноносца не то «Грозящий», не то «Гремящий». Разговор наш с адмиралом Непениным происходил во время перехода из Гельсингфорса в Ревель. Лед был слабый, так как был уже разбит ледоколами и длился не более 3-х часов. На обратном пути мы только пили чай с бутербродами и наш разговор не возобновлялся. Я не счел возможным передавать адмиралу о полученном сведении, так как оно было весьма туманно и, может быть, ложно. Однако эта болтовня свидетельствовала о каких-то неясных слухах о необходимости «убрать» адмирала при первом удобном случае. И эти слухи могли исходить и из революционных, и из шпионских кругов. Адмирал Непенин очень энергичный, последователь идей адмирала Эссена, был «помехой» и для тех, и для других и это желание «убрать» было вполне допустимым. Я осведомил капитана Нордмана, а также сказал и старшему лейтенанту Блинову. Кто-то из них проговорился адмиралу, но только миноносцы с такими названиями стояли не в Ревеле, а в Гельсингфорсе. Адмирал со свойственной ему горячностью отправился на миноносец, кажется «Грозящий», и вызвав команду наверх, обращаясь к ним сказал, что до его сведения дошло, что один из команды намеревается его убить, но только

это не принесет никакой пользы тому, по чьему подговору его хотят убить, так как смерти он не боится и на его место сейчас же найдется другой, который будет исполнять свой долг так же, как и он. А лучше, чтобы этот матрос молчал и не болтал бы в таких местах, где его могут слышать. 1-го марта адмирал был убит и по некоторым данным в толпе матросов были немецкие шпионы.

Приблизительно 18–20 февраля мне были доставлены агентурой прокламации с так называвшимся «Циммервальдским манифестом», которые распространялись среди артиллеристов Свеаборгской крепости. С этими прокламациями я отправился к адмиралу Непенину и сказал, что мне еще неизвестно, но наверно они распространяются уже и на судах. Адмирал сказал мне, что это еще не так важно, а что его больше всего беспокоит положение в Петербурге и Кронштадте. Что в Петербурге происходит что-то неладное и серьезное, и он полагает, что и в Кронштадте не все благополучно. Я сказал, что положение в Кронштадте мне известно, так как я только что вернулся оттуда и что пропаганда в порту и на судах продолжается и идет полным ходом и прекратить ее в настоящее время невозможно, ибо она исходит сверху и, по-видимому, одобряется. Для того чтобы прекратить пропаганду, надо иметь в Петербурге в своем распоряжении несколько верных правительству частей, а их нет. Адмирал, очень озабоченный, приказал мне немедленно выехать в Петербург и Кронштадт и выяснить положение. Это было мое последнее свидание с ним. Больше я его ни живым, ни мертвым не видал.

В ту же ночь с 20-го на 21 февраля я выехал поездом в Петербург. Прямо с вокзала проехал в Манежный переулок на квартиру к И.К. Смирнову. Он был холост и у него жила старая «Матреша», давно служившая в их семье в качестве «говернанте». Наскоро позавтракав и поговорив о положении на фронте и в Петербурге, пошли пешком в департамент полиции к директору Алексею Тихоновичу Васильеву. Хотели узнать из первоисточника о положении в стране. Он нам сказал, что по донесениям с мест в провинции тихо, хотя настроение оппозиционное в особенности в земствах, а в некоторых местах прямо враждебное, но однако никаких выступлений на местах не ожидается, что же касается фронта, то там все в Ставке законспирировано и ничего определенного сказать нельзя. Здесь же в Петербурге, по сведениям охранного отделения, очень неблагополучно в казармах и на фабриках. Искусственно созданы задержки в подвозе продуктов, особенно муки, хотя в действительности имеются значительные запасы ее на складах, но по агитации враждебных правительству элементов, не отпускающих

хлебопекарням достаточного количества муки, и таким образом создаются «хвосты» у булочных и хлебопекарен, и беспорядки на этом недостатке хлеба уже начались. На Выборгской стороне и у Николаевского вокзала были столкновения с полицией, и казаки отказались разгонять толпу. Сведения были малоутешительные. По выходе из департамента я расстался с Иваном Константиновичем и больше его ни живым, ни мертвым не видал. По не точно проверенным сведениям, расстрелян в Петропавловской крепости вместе с А.А. Макаровым. Когда моя жена была в последний раз перед отъездом в Ельню у мадам Макаровой, то она сказала, что Ваню арестовали в думе, еще в феврале месяце вместе с Александром Александровичем и что с ним сделали, она не знает. Конечно, наши «благодетели», устроители «Февральской революции», не могли простить А.А. Макарову его известной фразы, произнесенной по поводу Ленских беспорядков в Государственной думе: «Так было и так будет». Как известно, рота, вызванная для прекращения беспорядков, выведенная из терпения бросаемыми против нее камнями и выстрелами из револьверов из толпы, открыла по ней огонь. Господа марксисты, как вообще и все социалисты, умеют только мстить, ибо это мщение есть их основание всего их учения.

После того, что я распрощался с И.К., я на короткое время зашел к другому своему другу дежурному генералу при штабе 6-й армии Алексею Ивановичу Черепенникову. Командовал на фронте Московским гренадерским полком, был ранен и эвакуирован в тыл, где и находился в штабе на Дворцовой площади, а жил на набережной Мойки, рядом с домом, в котором когда-то жил и умер А.С. Пушкин. От него я ничего нового не узнал, кроме тех же самых слухов и беспорядков в Петербурге, о бездеятельности генерала Хабалова, о сидящих без дела в казармах готовых бунтовщиках, об ожидании всеми каких-то событий, но, в общем, убедился окончательно о полном «маразме» власти. Зашел еще к другому своему приятелю капитану Сергею Алексеевичу Соколову, исполнявшему обязанности начальника контрразведывательного отделения при штабе округа. От него узнал, что он сопровождал генерала Хабалова, посетившего некоторые петербургские заводы, кажется Путиловский и Обуховский, но и это посещение лишь показало, что настроение рабочих весьма агрессивное и можно ждать всяких осложнений. От Соколова направился на вокзал Балтийской дороги и, прибыв поездом в Ораниенбаум, сел в санки и прибыл в Кронштадт уже в полную темноту, около 8 часов вечера. По наружному виду в Кронштадте все было спокойно.

Моя жена и два сына, старший 16 лет Борис и младший Николай 8 лет жили в квартире еще с 1909 года. Старший учился в Кронштадтском реальном училище и был уже в 7-м классе, а младший в частной подготовительной школе. Кроме того, у нас жила племянница жены 17-летняя барышня Кассиния, дочь ее брата, а моего товарища по училищу подполковника Константина Яковлевича Шубинского, убитого в начале войны в сражении под Люблином. Дома тоже все было благополучно. К адмиралу Вирену я не пошел за поздним временем, так как было уже около 10 часов.

На следующий день 22 февраля рано утром пришел ко мне один из портовых рабочих, человек известный мне давно своими твердыми убеждениями, и искренно русский человек, любящий родину и болеющий за нее. Имени его не называю, как и вообще называю по именам и фамилиям лишь тех лиц, о которых мне известно, что они или убиты, или умерли, так как у советов руки очень длинные и я не хочу, чтобы эти руки дотянулись до тех лиц, которые еще могут быть живы.

Так вот, этот рабочий, который ко мне заходил и ранее как гость, и мы за чаем разговаривали о текущих событиях. Вина он никакого не пил и сотрудником, и осведомителем у меня не был. Говорили о злоупотреблениях в порту и о революционных настроениях рабочих. Пришел же он рассказать, что в порту во всех мастерских идут непрерывно сходки и митинги, и все ждут какого-то приказа из «центра». В казармах на Павловской улице агитируют приехавшие из Петербурга партийцы. Советовал мне уехать в Петербург или куда-либо. Когда он ушел, то пришел мой унтер-офицер и доложил, что во 2-м крепостном артиллерийском полку очень озлоблены против командира полка полковника Кисель-Загорянского и грозятся его убить[8].

Делаю некоторое отступление для перечисления частей войск, находившихся в это время в Кронштадте, а именно: 2 полка Кронштадтской крепостной артиллерии, расположенных в городе и на фортах, Саперная бригада, в которую входила саперная рота, кажется, уже развернутая в батальон, Минная рота, тоже увеличенного состава, Штаб Кронштадтской крепости с комендантом генералом Никитиным и начальником

---

[8] *Сергей Сергеевич Кисель-Загорянский* (26 декабря 1868 — 1 марта 1917), из потомственных дворян Смоленской губернии, окончил 1-е военное Павловское училище, участник обороны Порт-Артура. В чине полковника с 1915 г., командир батальона в 1-м Кронштадтском крепостном артиллерийском полку. Жена Ольга Ивановна.

Школа юнгов. 1910-е гг.

штаба генерал-майором Антоном Васильевичем Даниловым[9], 1-й Балтийский флотский экипаж, Кронштадтский полуэкипаж, Учебно-минный отряд, Школа юнгов[10] и Водолазная школа. Кажется, были еще два запасных пехотных батальона.

К адмиралу Вирену я отправился в 9 часов утра, предварительно испросив разрешения прибыть к нему с поручением от командующего флотом. Наш разговор не был очень продолжительным, так как и для него не было секретом, что творится что-то неладное и в Петербурге, и в Ставке. А к настроению в Кронштадте он уже давно привык считать его, как в экипажах, так и на судах в порту, угрожающим. Я со своей стороны ознакомил его в общих чертах с настроениями на судах и в Свеаборге и напомнил ему, чтобы он был очень осторожен и не ходил по городу и в порту без охраны. Напомнил ему, что я его в свое время предупреждал о грозящей ему опасности, ибо преступная «матросня» грозится убить его и адмирала Бутакова за суровые меры. Адмирал Вирен сказал, что его долг оставаться на посту и ждать распоряжения свыше. До сих пор он не получил никаких распоряжений ни от Морского министра, ни из Ставки. Распрощавшись, я ушел довольно обескура-

---

9 *Антон Васильевич Данилов* (3 августа 1861 — 1 декабря 1923) — генерал-лейтенант с 1916 г., начальник штаба Выборгской крепости в 1900–1907 гг., начальник штаба Кронштадтской крепости в 1909–1917 гг. Во время Гражданской войны в Вооруженных силах Юга России. В эмиграции в Токио.

10 Так называлось учреждение.

женный. Возвращаясь домой, зашел по дороге в Кронштадтское жандармское управление к начальнику его полковнику Аплечееву[11]. Общее настроение неуверенности и ожидание каких-то распоряжений сверху было и здесь. Ощущение безвластия и анархии преобладало везде.

День 23-го прошел весь в переговорах с осведомителями, которые приходили ко мне на отдельную квартиру, которую я с этой целью имел[12]. Часа в 4 вечера пришел ко мне местный коммерсант и староста Андреевского собора Марков. Он желал узнать у меня, что происходит в Петербурге и каковы распоряжения правительства по поводу происходящих беспорядков. Я сказал, что ничего, кроме того, что и ему известно, я не знаю. Не мог же я ему прямо сказать, что власти нет более и нет ни повелевающих, ни исполняющих, и страна находится в состоянии, близком к полной анархии.

В 5 часов вечера я позвонил к И.К. Смирнову и из разговора с ним узнал, что беспорядки в Петербурге продолжаются и были столкновения с полицией. В Государственной думе идут какие-то совещания и бурные заседания и ждут распоряжений из Ставки.

Так в таком же неопределенном положении прошли дни 24-го и 25-го февраля. В Кронштадте никаких столкновений с полицией не было, не было недостатка ни в хлебе, ни в других продуктах, все лавки и магазины были открыты. Ездивший в Петербург подполковник Кронштадтского жандармского управления Александр Михайлович Филатьев[13] расска-

---

[11] *Николай Николаевич Аплечеев* (род. 20 ноября 1864 г.) — окончил Вторую Харьковскую гимназию и Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище, на службу поступил в 1887 г. в 15-й драгунский Александрийский полк, с 1898 г. в Отдельном корпусе жандармов, служил в Оренбургском, Донском, Харьковском, Херсонском и других жандармских управлениях. Полковник. Назначен начальником Кронштадтского жандармского управления в конце октября 1916 г. в связи с переводом многолетнего руководителя управления В.В. Тржецяка начальником Казанского губернского жандармского управления. Женат, 3 сына. Умер в 1940 г. в городе Нови-Сад в Югославии.

[12] В январе — феврале 1917 г. Владимиров постоянно получал донесения от 14 осведомителей под кличками Андреев, Березовский, Голубев, Громкий, Дудка, Егоров, Мирской-Миловидов, Сахаров, Синицын, Случайный, Удалов, Федоров, Чернов и Яковлев.

[13] *Александр Михайлович Филатьев* (род. 28 февраля 1875 г.) — окончил Первый кадетский корпус и Павловское военное училище, с 1895 г. служил в 116-м пехотном Малоярославском полку, с 1898 г. в Отдельном корпусе жандармов в Харьковском, Екатеринославском, Ярославском и Варшавском управлениях. Подполковник с 1913 г., состоял в должности помощника начальника Кронштадтской портовой жандармской команды с 18 июня 1911 г. Женат. Отец — Михаил Николаевич Филатьев (2 ноября 1846 — после 1917), с 1907 г. генерал-майор корпуса жандармов, начальник Донского областного жандармского управления. В 1898 г. во время службы в Санкт-Петербургском ГЖУ допрашивал В.И. Ульянова (Ленина).

зал мне вечером, что на улицах и даже на Невском проспекте какие-то группы неизвестных людей останавливают офицеров и требуют сдавать им оружие, и на его глазах отобрали у каких-то молодых прапорщиков шашки. Остановили также и его, но он не отдал шашку и прошел мимо их и сел в трамвай. Поспешил на вокзал и вернулся в Кронштадт. Вечером 25-го пришел ко мне мой приятель начальник Школы юнгов капитан 1-го ранга Константин Иванович Степанов с супругой[14]. Наши разговоры относительно возможности матросского бунта продолжались до позднего часа, но ни он, ни я не могли прийти к определенному заключению, так как напряженное состояние длилось уже почти с начала января, не выявляясь ни в какой определенной форме, — все слухи, разговоры, общее недовольство положением на фронте, возможность оставления Риги и всей Прибалтики.

День 27-го февраля прошел в свиданиях с осведомителями и разговорах по телефону с Иваном Константиновичем[15]. Затем был у адмирала Вирен на учебном судне «Двина», у начальника Учебно-минного отряда адмирала Сапсай, где с его ведома и разрешения передал в штаб командующего флотом для доклада адмиралу Непенину радиограмму, которую зашифровал «полицейским» шифром и в ней обрисовал создавшееся положение в Петербурге и Кронштадте. Положение же в Петербурге в этот день 27-го февраля сделалось уже угрожающим. Оппозиция приступила к образованию Временного правительства, а революционные элементы параллельно с этим создали Совет рабочих и солдатских депутатов, в который вошли преимущественно социал-демократы. Столкновения полиции с демонстрантами и «хвостами» у хлебопекарен еще более усилились, на улицах уже началась стрельба, Арсенал был частично разграблен. Стреляли рабочие больше в воздух. Некоторые группы вооруженных рабочих начали громить полицейские участки, ломать мебель, сжигать дома и снимать с постов городовых. В Думе и около нее все время происходили сходки посторонних людей, не принадлежавших ни к служащим, ни к депутатам. Председатель Думы М.В. Родзянко ведет по телеграфу переговоры со Ставкой. Имеются слухи о прибытии

---

[14] *Константин Иванович Степанов* (26 сентября 1866 — 2 марта 1917) — капитан 1-го ранга с 1911 г., командовал в разные годы броненосцем «Адмирал Грейг», крейсером «Адмирал Макаров», учебным судном «Николаев», заведовал обучением в Минном офицерском классе в 1913–1914 гг., начальник Школы юнгов в Кронштадте с 12 мая 1916 г. Убит бунтовщиками двумя пистолетными выстрелами. Погребен 14 марта 1917 г. на Кронштадтском военно-морском кладбище.

[15] Смирновым.

в Петербург Государя. Генерал Иванов Николай Иудович с батальоном георгиевских кавалеров особым поездом направляется в Петербург для водворения порядка. Все это, что мне сообщил И.К., я передал по радио в Гельсингфорс и это была моя первая телеграмма, осведомлявшая адмирала Непенина о положении 27 февраля.

Было около 6-ти часов вечера, когда я вернулся домой. Проходя по Николаевскому проспекту, попадавшиеся мне навстречу матросы, конечно, не отдавали чести и некоторые из них нагло смотрели мне в лицо. Я вообще мало обращал внимания и раньше, отдает кто-либо честь или нет, а сейчас и подавно не придал этому никакого значения. На улицах все было в нормальном положении и торговые заведения были открыты. Дома я никому ничего не сказал, не желая тревожить ни жену, ни детей.

Эту ночь с 27-го на 28 февраля я всю провел без сна, сидя на диване в кабинете. Время от времени звонил по телефону к И.К., желая знать, какие еще перемены прошли в течение дня и вечера. Кое-как заснул часов в 5 утра. Состояние духа было подавленное, главным образом от неизвестности: что же делается в Ставке и почему не принимаются меры со стороны правительства к подавлению беспорядков, и ни Главный командир порта, ни командующий флотом не получают никаких распоряжений.

В следующий день 28-го февраля осведомители сообщили, что прибыл из Петербурга один из главных агитаторов не то партии социалистов-революционеров, не то социал-демократов, студент Психоневрологического института по фамилии Рошаль, который призывает к восстанию сегодня ночью. Первыми, кто должны выйти на улицу — это артиллеристы, а затем и флотские части[16].

Делаю отступление, так как забыл включить в день 26-го февраля некоторые детали в событиях этого дня, а именно. Вечером 26-го был назначен в Морском собрании оперный спектакль, где приехавшая из Петербурга группа оперных артистов имела поставить оперу «Паяцы»[17],

---

[16] *Семен Григорьевич Рошаль* (1896–1917) — сын петербургского коммерсанта, студент Психоневрологического института, участник революционного движения с 1912 г., член РСДРП(б) с 1914 г., дезертировал с фронта в 1915 г., занимался революционной пропагандой, арестован и помещен в тюрьму «Кресты», из которой вышел во время Февральской революции. 1 марта 1917 г. прибыл в Кронштадт, член Исполнительного совета Кронштадтского совета. Участник июльского восстания большевиков, арестован Временным правительством и освобожден во время Октябрьской революции. Участник убийства главнокомандующего Русской армией генерала Н.Н. Духонина. Арестован в Яссах румынскими властями и убит неизвестными.

[17] Популярная опера итальянского композитора Руджеро Леонкавалло. В России ставилась в переводе на русский язык начиная с 1893 г.

Большой зал Кронштадтского Морского собрания, где проходил последний оперный спектакль, а после революции содержали арестованных офицеров и чиновников. *Фото 1902 г.*

которая и состоялась, и я с семьей был на нем. Присутствовал также адмирал Вирен с супругой Надеждой Францевной. По возвращении домой около 12 часов ночи позвонил И.К.[18], который сейчас же отозвался, так как еще не ложился спать. Он сказал, что в Петербурге положение очень серьезное, так как солдаты, сидящие в казармах, окончательно вышли из повиновения, особенно в казармах Преображенского и Павловского полков, что на Марсовом поле. Много содействуют развалу армии прапорщики, вышедшие недавно из школ, но в казармах Гренадерского полка агитирует какой-то штабс-капитан Дзевалтовский. Ожидаются какие-то кавалерийские части, долженствующие прибыть с фронта для водворения порядка, но это лишь только слухи, а положительного ничего нет и распоряжений никаких сверху не последовало.

Продолжаю день 28-го февраля. Студент Рошаль говорит, что надо сейчас же освободить всех заключенных из тюрем, дабы усилить революционные ряды. Начало выступления в 12 часов ночи сего 28 февраля. На стоящие в порту суда тоже посланы делегаты с распоряжениями и воззваниями о присоединении к восставшим.

С этими сведениями и полученными от осведомителей и от портовых рабочих я отправился к адмиралу Вирену. По дороге зашел в жан-

[18] Владимиров звонил Смирнову.

дармское управление. Около 4-х часов вечера я застал адмирала Вирена в его кабинете и изложил ему все мне известное, причем тоже сказал ему, что в его личных интересах, а равно и служебных, я бы посоветовал ему уйти сейчас же из дома Главного командира [порта] по возможности незаметно и не показываться дня два-три. Ночевать же у кого-либо из знакомых в городе, например, у евангелического пастора церкви Св. Николая, но отнюдь ни у кого из офицеров. Предупредил его, что сегодня ночью предположено произвести восстание и что в портовых мастерских никто не работает, а идут все время разные митинги, что агитаторы находятся во всех казармах и на судах, стоящих в порту, и ожидается прибытие из Петербурга новых руководителей. Сказал адмиралу, что в Петербурге положение очень серьезное и что нет ни одной надежной части, верной правительству, а ожидающиеся с фронта войска едва ли прибудут, так как железнодорожное сообщение находится в руках уже сформировавшегося революционного правительства и их не пропустят в столицу.

На мои слова адмирал Вирен сказал, что он верен данной им присяге и никакого другого правительства он не признает и ему не подчинится, а будет ожидать распоряжений от своего непосредственного начальства, то есть от Морского министра, а что касается рабочих сходок, то он сейчас отправится в порт и разгонит все эти митинги, а против проникновения новых агитаторов из Петербурга, то он сейчас же прикажет поставить особый караул у Петербургских ворот и не допустит никаких неизвестных лиц проникнуть в город. Я возразил, что никакого караула сейчас поставить нельзя, ибо нет надежных людей, и этот караул только осложнит положение и сам может перейти на сторону восставших. Сказал, что готовится освобождение из тюрем, если уже не состоялось, всех уголовных преступников, среди которых есть опасные грабители и убийцы, пересланные из Петербургских тюрем для дальнейшей отправки по этапам в Сибирь. Ему же вновь советую сейчас же уйти из дома, лучше даже в статском платье. Я не хотел ему напоминать, что все, кто его ненавидит за строгое соблюдение дисциплины, то в первую очередь, как только вспыхнет восстание, при содействии выпущенных из тюрем каторжников немедленно убьют его. Об этом я предупреждал его и всех офицеров, намеченных матросней. Адмирал Вирен меня не послушал, а остался в доме, где и был убит ночью[19].

[19] Владимиров допускает неточность. Адмирал Вирен был схвачен дома, но убит на Якорной площади Кронштадта.

От адмирала я прошел, как и накануне, в Учебно-минный отряд на учебное судно «Двина», бывший крейсер «Память Азова», и зашифровавши там же полицейским шифром радиограмму командующему флотом. В ней я изложил все, что мне было известно о положении в Петербурге и Кронштадте. В отряде в зале кают-компании, где я зашифровывал радиограмму, ничего ненормального я не заметил. Радиотелеграфист матрос сейчас же при мне вызвал штаб командующего в Гельсингфорсе и передал радиограмму. Адмирал Сапсай сидел тут же в кресле и читал газету. Обменявшись несколькими фразами с ним и его флаг-офицером, я ушел. Было около 6 часов вечера. Прошел спокойно по улицам до дома — все было тихо.

Дома у меня в то время находились: жена Александра Яковлевна 36 лет, сын Борис 16 лет, сын Николай 8 лет, племянница Кассиния 17 лет, сестра жены Мария 40 лет (жена находившегося в то время в плену подполковника 106 пехотного Уфимского полка Ивана Павловича Серебренникова), няня младшего сына Наташа, горничная Катя и кухарка Эмилия. Рядом с моей квартирой находилась квартира подполковника Кронштадтского жандармского управления Рубана[20], в нижнем этаже была квартира морского офицера — фамилии не помню.

Придя домой, я снова позвонил И.К., но никаких новых известий от него не узнал, и когда после вечернего чая все отправились по своим комнатам спать, я сел в кабинете на диване в ожидании событий. На улицах в округе была зловещая тишина.

Эта страшная ночь, «ночь кошмарных ужасов» и до сих пор стоит перед моим мысленным взором. Около 12 часов ночи я услышал звуки музыки. Большой военный оркестр играл военные марши. Я открыл форточку в окне кабинета и стал прислушиваться, из какого направления исходят эти звуки. Направление было от артиллерийских казарм, то есть, как и было сообщено, первыми из казарм вышли артиллеристы. Вслед за сим другой оркестр присоединился, и я определил его нахожде-

---

[20] *Василий Васильевич Рубан* (11 мая 1869 — 1 марта 1917) — окончил Киевское реальное училище и военно-учебные курсы Московского пехотного юнкерского училища, в 1890 г. поступил на службу в 20-й пехотный Галицкий полк. С 1906 г. в Отдельном корпусе жандармов, служил в Подольском, Волынском, Новгородском и Петроградском жандармских управлениях. С 1913 г. в чине подполковника. Во время Первой мировой войны работал в Центральном военно-регистрационном бюро Главного управления Генерального штаба (центральный орган военной контрразведки). С 18 апреля 1916 г. занимал должность помощника начальника Кронштадтского жандармского управления по городу Кронштадту и Морскому району. Убит. Женат, 2 детей.

ние в стороне морских казарм на Павловской улице. Звуки то приближались, то удалялись, из чего я заключил, что толпы бунтовщиков передвигаются по городу; в то же время стали слышны крики и рев толпы со стороны находившегося по прямому направлению от моей квартиры не более полуверсты дома Главного командира, Княжеской улицы и Петровского парка, что указывало, что толпа сконцентрировалась в этом направлении. Оркестры продолжали все время играть, то марши, то марсельезу.

Было около 2-х часов ночи, когда я попросил телефонную станцию соединить меня с Петербургом и позвонил И.К. Он немедленно отозвался и сказал, что бунт в Петербурге в полном разгаре. Окружной суд горит, преступники выпущены из тюрем, стрельба идет по всему городу и вокруг его квартиры в Манежном переулке и предложил мне послушать в телефон, что творится кругом. Я послушал, и действительно, в трубку были слышны не только ружейные выстрелы, но и треск пулеметов. Я ему тоже сообщил, что и у нас в Кронштадте тоже идет бунт. Так с промежутками мы поддерживали разговор до 5 часов утра, когда моя знакомая телефонная барышня сказала мне: «Владимир Владимирович, я больше не могу держать Ваше соединение с Петербургом, так как я слышу шаги и удары прикладов на лестнице поднимающихся по ступенькам солдат для занятия станции». Это был мой последний разговор с Петербургом и с Иваном Константиновичем, и было утро 1-го марта 1917 года.

Около 6 часов утра пришла на квартиру одна знакомая барышня, но жена и все в доме спали и ничего не слыхали. Фамилии ее не называю, да это и неважно. У нее был жених саперный офицер Кронштадтской саперной роты. Она мне сказала, что прибежала только что из саперных казарм, где находятся в настоящее время все саперные офицеры. Полчаса тому назад к казармам подошла группа матросов и потребовала, чтобы саперы выдали им всех офицеров для отправки их в тюрьму. На это саперные солдаты ответили, что их офицеры находятся у них под охраной, а им матросам нет до них никакого дела, так как они для них хороши и потому они их не выдадут. Матросы сказали, что тогда они возьмут их силой. «А ну-ка попробуйте». После этого предупреждения матросы ушли. Но начальник Саперной бригады генерал Волков уже был убит на своей квартире. Его солдаты саперы не успели взять под охрану в казармы. Барышня по поручению офицеров просила у меня узнать, что им делать. Я сказал, что не имею права давать какие-либо указания, но советовал бы офицерам продолжать оставаться в казармах впредь до выяснения общего положения. С тем барышня и ушла.

Площадь Козье болото, на которой был убит подполковник В.В. Рубан

В это время наши прислуги сказали мне, что живущие наверху рабочие хотят меня видеть. Я попросил, чтобы они пришли ко мне, и они принесли мне свое статское платье и стали уговаривать меня уйти из квартиры, так как мой сосед подполковник Рубан уже убит и труп его валяется на площади, называемой «Козьим болотом». А меня они скроют у своих знакомых — других рабочих. Я поблагодарил их, но сказал, что я еще хочу сам посмотреть, что творится в городе, а потому воспользуюсь их одеждой и потом уже решу, что мне делать.

Я действительно воспользовался их платьем и, несмотря на уговоры жены, вышел из квартиры и обошел весь город кругом, пройдя по Екатерининской улице до конца, и затем мимо порта, парка Петра 1-го и через Нарвскую площадь по Николаевскому проспекту, вернулся домой. Никто меня не задержал, и я лишь издали видел скопление народа, вернее солдат и матросов на площади перед Морским собором и памятником адмиралу Макарову. Там раздавались выстрелы и, очевидно, шли расстрелы. На Екатерининской улице я встретил одного знакомого, служащего в банке, известного мне своими монархическими убеждениями. Он меня или не узнал, или сделал вид, что не узнал меня, очевидно, с целью не показать, кто я такой, чтобы скрыть меня. Проходя через Нарвскую площадь, обратил внимание на стоявших около роты матросов, составивших ружья в козла и гревшихся около разложенного костра. Очевидно, охраняли Нарвскую гауптвахту и Гражданскую тюрьму, примыкавшие к площади. На Николаевском проспекте встре-

Богоявленский морской собор и памятник адмиралу С.О. Макарову
на Якорной площади Кронштадта. 1913 г.
Фотоателье Карла Буллы

тил писаря жандармского управления, который мне сказал, что матросы поломали мебель и пишущие машинки и сожгли много бумаг и начальник управления полковник Аплечеев, по-видимому, арестован, а подполковник Филатьев где-то скрывается.

Из всего, что произошло в Петербурге и здесь в Кронштадте, вывод был ясен. Власть ушла. Императорской власти больше нет. В Кронштадте это не матросский бунт, а часть того же, что происходит и в Петербурге и это есть восстание в широких размерах и организованное не какой-либо отдельной партией, а исходит из кругов, имеющих соприкосновение с Государственной думой, и может быть и исходящей из нее. Ведь вся пропаганда против Императорского правительства исходила из нее же.

Вернувшись домой, я сейчас же сжег в печке все бывшие у меня в портфеле секретные бумаги, шифры и список секретных сотрудников и осведомителей. Но надо было немедленно решать, что предпринять для спасенья семьи в случае, если меня арестуют и расстреляют. Надо было учесть все возможности и обстоятельства, и личные, и семейные. Что будет с семьей, если меня убьют. Несомненно, погибнут.

Только что я начал раздумывать, как послышался электрический звонок с парадной двери, а затем и удары прикладами. Я сейчас же вышел из кабинета и велел всем уйти в спальню и детскую комнату, а Наташе

Морской артиллерийский арсенал Кронштадта. *Фото 1912 г.*

и Кате сидеть в кухне, а сам пошел открывать дверь. Лишь только я открыл дверь, как мне в грудь уткнулось дуло большого револьвера Смита и Вессона, очевидно, из разграбленного арсенала, и раздался крик: «Руки вверх». Я поднял руки и увидал перед собой двух человек. Один из них был в статской одежде, то есть в пиджаке и помятой шляпе, а другой в форме матроса, в матросском бушлате и фуражке с ленточками, — надписи не успел разобрать. Они были вооружены «до зубов», то есть перевязаны пулеметными лентами крест на крест и с патронташами на поясах, винтовки на ремнях через плечо и у обоих на руках еще и револьверы. Штатского я сейчас же узнал, так как еще до начала войны видел его как служащего или рабочего в винном складе, который находился на углу Николаевского проспекта. Обращал на него внимание потому, что цвет лица его был темного цвета, но не как у негров, а как бы синего. Был он небольшого роста, коренастый, приземистый и широкоплечий. Матрос был немолодой с рябоватым темным лицом и, по-видимому, был не матрос, а переодетый в форму. Оба были, вероятнее всего, выпущены из тюрьмы и пришли с целью грабежа.

Я, как со мной бывало и ранее в минуты смертельной опасности, если перед этим трусил и когда был на войне в сражении на реке Шахэ[21] и под Мукденом, когда руки тряслись, держа в них бинокль, в самую минуту, когда приближалась эта опасность, делался спокойным. Так и здесь,

[21] В тексте написано — Шаше.

подняв руки, я спокойно спросил: «В чем дело? Я ведь не имею никакого оружия в руках, а если вам что-то нужно, то скажите». Штатский отвел револьвер и сказал: «Выдавай все оружие и пулеметы, какое у тебя есть». Я сказал, что у меня нет ни ружей, ни пулеметов, а есть шашка, и предложил подойти к платяному шкафу, стоявшему в передней, в котором хранилась моя одежда, и вынул висящую там шашку. Штатский, взяв в руки шашку, обратил внимание на надпись, имевшуюся на эфесе: «За храбрость», и сказал, обращаясь к матросу: «На ка, за храбрость имеет». И потом, отдавая мне шашку, сказал: «Это нам ни к чему». «Смотри-ка, как они жили». А после того прибавил: «Мы это только для проверки, и кто сопротивляется, того забирать». Так они, ничего не взяв, и ушли.

Я же понял, что в Кронштадте власть перешла к улице. Но это временная анархия, а должна быть образована какая-то власть, и надо искать эту власть, которая неизбежно будет устанавливать какой-то порядок, должен быть какой-то «комитет». Надо было решать, что делать. Надо было идти на риск, так как в случае если какая-либо группа матросов узнает, какую должность я исполнял в штабе командующего флотом, а это могло проникнуть из того же штаба, или от кого-либо из замешанных в прежних процессах, то меня могут прикончить без какого-либо комитета или трибунала, или просто толпой каторжников, выпущенных из тюрем. Если же найти какой-либо «комитет», то могут меня впредь до выяснения посадить в тюрьму. И это самое надежное место, и я решил искать этот «комитет».

Проходя по улицам, я видел, что по ним бродят небольшие группы матросов и солдат, человек по 5–10, — «патрули», решил я. Недалеко от моей квартиры на углу находился винный склад, закрытый еще с начала войны, и я в форточку видел, что один из этих патрулей разгоняет кучку солдат и матросов, группирующихся около этого склада, а два патрульных матроса выводят из подвала совершенно пьяного матроса. Когда я проходил по городу, то видел несколько таких патрулей, следовательно, какая-то власть посылает эти патрули для поддержания какого-то порядка. Самое надежное место, где можно находиться вне уличной толпы — это тюрьма. Я окончательно решил сесть в тюрьму, а для этого надо позвать один из патрулей и предложить ему отправить меня в тюрьму, через какой-либо «комитет» или другим порядком.

Меня, конечно, больше всего интересовало, знают ли, что я из себя представляю и какую должность я занимаю, а знали меня очень хорошо в 1-м Балтийском экипаже еще по процессу «Матроса Бибы». Но все же с того времени я перешел в распоряжение адмирала Эссена, то есть

с 1911 года, я больше никаких ни обысков, ни арестов не производил. Аресты на «Рюрике» и других судах производило С.-Петербургское охранное отделение, по своим ордерам и в связи с дознанием, производившимся статским советником Дьяченко и генерала Попова, а также при содействии Финляндского жандармского управления, я же был в стороне, хотя агентурные сведения исходили от меня. Формы жандармской я не носил, а носил штабную и из числа морского начальства меня знали только: конечно, Морской министр адмирал И.К. Григорович, командующий флотом, начальник штаба адмирал Григоров, начальник Разведывательного отделения капитан 1-го ранга князь Черкасский, старший флаг-офицер старший лейтенант А.П. Блинов и некоторое весьма незначительное число командиров судов, а также конечно в Кронштадте в Штабе порта и Военно-морском суде, да еще 2–3 офицера штаба. Если меня расшифруют, то тогда дело плохо, а потому надо было как-нибудь искать способы избежать этого разоблачения.

Все это промелькнуло у меня в мыслях, и я начал ожидать прохода мимо квартиры одного из патрулей. Когда я увидел через форточку, что приближается один из таких патрулей, во главе которого шел молодой матрос с унтер-офицерскими нашивками, я высунулся из форточки и крикнул, что прошу патруль зайти ко мне. Старший патруля с унтер-офицерскими нашивками остановил патруль и поднялся ко мне. Я встретил его у дверей квартиры и попросил зайти. Я сказал, что состою в Разведывательном отделении штаба командующего флотом и приехал из Гельсингфорса, так как моя семья живет здесь в этой квартире. Ввиду того, что сейчас идут обыски в квартирах в городе и могут быть всякие недоразумения и неприятности для моей семьи, то я прошу его направить меня в «комитет» или прямо в тюрьму впредь до выяснения всего положения и дать мне охрану. Этот матрос, фамилии которого я не называю, по высказанным ранее соображениям оказался бывшим железнодорожным телеграфистом и с образованием уездного училища. Он мне сказал, что раз я добровольно сдаюсь, то он предлагает мне сдать оружие, которое я имею. Я открыл письменный стол и отдал ему один «Маузер» малого калибра и «Браунинг», а также могу передать саблю и шашку. От сабли и шашки он отказался, а револьверы взял и добавил, что действительно лучше сесть в тюрьму, так как по городу ходят шайки грабителей и убийц, и нет гарантии, что они не могут зайти и сюда, а потому он попросил лист бумаги и написал на нем красным карандашом: «Эта квартира осмотрена и просят товарищей больше не беспокоить жильцов» — и прикрепил кнопками к наружной двери. Потом добавил,

что уже многие из офицеров убиты на квартирах неизвестными грабителями. Сейчас он должен идти сдать патруль, а потом придет за мной и сдаст меня в «Революционный совет». После этого он ушел, а я постарался успокоить семью и сказал, что сам добровольно сяду в тюрьму.

Наши прислуги подтвердили, что наш сосед подполковник Рубан действительно убит в городе и его труп в статском платье валяется на улице. Убиты адмирал Вирен, адмирал Бутаков[22], капитан 1-го ранга Стронский[23] и многие офицеры. Верхние жильцы рабочие (фамилий не называю) говорят, что если придут грабить, то позвали бы их, так как у них есть и ружья, и револьверы и они не дадут грабить.

Было уже близко к полудню и пришел в статском платье подполковник Филатьев и сказал, что он всю ночь скрывался на чердаке, а квартира его разграблена, и он не знает, что предпринять. Я ему сказал, что оказывать какое-либо сопротивление, если не будут явно угрожать смертью, бессмысленно, так как власть ушла из рук Императорского правительства, и мы находимся предоставленными своей собственной судьбе. Если будут угрожать смертью, то выпустить все заряды в угрожающих, а последний себе в висок. Я сдал револьверы, бывшие в столе, но бывший в кобуре «Наган», который остался вместе с походным снаряжением, находился у меня в книжном шкапе в кабинете. Так как этот матрос, который обещал прийти за мной, все еще не приходил, то я предложил Филатьеву отправиться в поисках Революционного комитета к Морскому собранию, где, по моему предположению, мог быть таковой.

Я тоже одел статское платье, принесенное рабочими, и мы оба ушли на улицу и направились к Морскому собранию. Проходя по Екатерининскому скверу, заметили трех матросов с ружьями, по-видимому, тоже патрулировавших по скверу. Подойдя к ним, я спросил, где находится Революционный комитет и один из них сказал, что тут же в Морском собрании. Подходя к подъезду, один из них с усмешкой сказал: «Чего Вам

---

[22] *Александр Григорьевич Бутаков* (25.06.1861 — 01.03.1917) — из дворян Костромской губернии, сын адмирала Григория Ивановича Бутакова (1820–1882), внук вице-адмирала Ивана Николаевича Бутакова. Контр-адмирал, русский военно-морской агент в США в 1902–1905 гг., начальник штаба Кронштадтского порта в 1917 г. Убит матросами за отказ присягать Временному правительству. Сын капитан 1-го ранга Григорий Александрович Бутаков (1897–1978) перешел на сторону советской власти, участник Гражданской и Великой Отечественной войн.

[23] *Николай Васильевич Стронский* (28.04.1863 — 02.03.1917) — из дворян Херсонской губернии, сын контр-адмирала Василия Григорьевича Стронского (1821–1879), генерал-майор флота, командир Первого Балтийского флотского экипажа. Жена Ольга Павловна Стронская, сын.

Читальный зал библиотеки Морского собрания, где заседал Исполком Кронштадтского совета

идти в комитет, идите прямо на площадь». Площадь Морского собора с памятником адмиралу Макарову находилась в некотором отдалении от Морского собрания и отделялась от Екатерининской улицы и сквера обводным каналом, через который был мост. В это время со стороны этой площади почти без перерыва раздавались ружейные выстрелы и крики. Было очевидно, что там происходит самосуд толпы и расстрелы, и матрос хотел, чтобы мы отправились туда, но я сказал, что нам приказано явиться в «комитет». Кем приказано, я умолчал, а они и не спросили, и я поторопился войти в подъезд, а матросы остались на улице.

Войдя в подъезд, я направился в примыкавшую к прихожей залу, как помнится, библиотечную. Тут за столом, покрытым сукном, сидело несколько человек, и в числе их находился матрос, известный мне по процессу, в котором он был замешан как обвиняемый в связи с делом по обнаружению нелегальной литературы на судах, и которого я вместе с И.К. Смирновым допрашивал в Петропавловской крепости, где он был заключен по особому распоряжению военно-судебных властей или Кронштадтского морского суда, хорошо не помню, а фамилия его была Кириллов[24]. Тоже в числе сидевших за столом был и один из зна-

[24] *Максим Кириллов* — матрос 1-го Балтийского отряда подводного плавания, являлся секретным сотрудником (осведомителем) Кронштадтского жандармского управления, работал под кличкой «Калашников». Завербован В.В. Владимировым.

комых мне студентов. Я объяснил, кто мы такие и сказал, что мы желаем впредь до выяснения всех обстоятельств сесть в тюрьму, и просил нас направить туда. Матрос Кириллов с улыбкой мне сказал: «Мы ведь с Вами знакомы, но теперь все это уже прошло». Один из сидевших за столом сказал, чтобы мы шли наверх в большую залу, и оттуда уже нас направят, куда нужно. Наверху в большой зале собрания, где я 26-го был вместе с семьей на спектакле и где еще не были убраны кулисы на сцене, было очень много народу, и какие-то люди распределяли присутствующих, а нас попросили подождать и указали соседнюю комнату, куда мы и направились. В это время пришел мой старший сын Борис и принес нам бутерброды. Я сказал ему, чтобы нам прислали нашу военную форму и взяли статское платье. Через короткое время Борис принес нам военную форму, и я просил передать жене, чтобы она не беспокоилась и что мы будем отправлены в тюрьму, какую еще не знаем.

Мы переоделись и после того меня в сопровождении солдат артиллеристов отправили в Морскую следственную тюрьму, а Филатьева в Гражданскую тюрьму. В Морской следственной тюрьме меня заперли в одиночную камеру с деревянной решеткой-дверью и вместе со мной поместили старого городового, который всегда дежурил у адмирала Вирена. Клетка была настолько мала, что мы только могли либо стоять, либо сидеть «на корточках». Никакой кровати или даже соломы на полу не было. Эти клетки предназначались для матросов, задержанных в пьяном виде, для вытрезвления. В таком положении я пробыл три дня. Выпускали на прогулку во двор, где пилили дрова.

В тюрьме, кроме меня, находились и некоторые морские офицеры и в числе их адмирал Курош. Во время прогулки на второй день адмирал Курош тоже пилил дрова с одним из офицеров. Невдалеке стоял матрос и ругал площадной бранью адмирала Куроша, на что тот отвечал ему громко во всеуслышание: «Вы все подлецы, негодяи и убийцы и подождите, придет время, что наши дети отомстят вам сторицей». Матрос что-то еще отвечал, но потом повернулся и ушел. На третий день утром появился в коридоре матрос или переодетый рабочий, который обходил клетки — их было приблизительно десять — и ругал всех заключенных площадной бранью, потрясая при этом револьвером. Подошел и к нашей клетке и, направляя на меня револьвер, кричал: «Что не нравится сидеть в карцере, а нас сажал сюда, — вот захочу и застрелю». Я отвечал, что может стрелять потому, что я не имею никакого оружия. «Ага, так не боишься». Я ничего ему не ответил, и он прошел дальше. Через некоторое время пришла в помещение группа матросов человек в 6, были,

кажется, в этом числе и артиллерийские солдаты. Во главе этой группы был студент Рошаль. Он, обращаясь ко мне, спросил: «Как можно кончить войну?» — и, не дожидаясь ответа, прошел мимо. Выше среднего роста, без усов и бороды, лицо одутловатое и темное, одет в длинную солдатскую шинель без погон, но брюки длинные, без пояса и через плечо офицерская шашка на плечевой портупее. Я хотел ответить, что каким способом он полагает ее кончить. Но он прошел мимо и вышел наружу.

После полудня меня и нескольких других заключенных перевели под конвоем в Гражданскую тюрьму, где я и просидел еще несколько дней. Пища в Морской тюрьме была обыкновенная матросская и хорошая.

В Гражданской тюрьме меня заключили в довольно просторную камеру, в которой были деревянные нары и в ней никого, кроме меня, не было. Камера была чистая, тюремные надзиратели были те же самые и относились они ко мне хорошо, пища была обыкновенная тюремная, но не столь обильная и хуже, чем в Морской тюрьме. На другой день посадили ко мне другого арестованного, но кто он был, не припомню хорошо, но был не солдат и не матрос, а или из рабочих, или из мелких служащих порта, и сидел он в тюрьме за какие-то проступки уже несколько времени. От него я узнал все обстоятельства убийства адмирала Вирена и других лиц, что ему в свою очередь было известно от других арестованных, с которыми он сидел в общей камере до перевода в мою камеру.

Адмирал Вирен в 12 часов ночи с 28-го февраля на 1-ое марта был разбужен и вытащен из кровати в одном белье вторгшимися в дом Главного командира матросами и каторжниками, причем дверь им отворил матрос, находившийся вестовым у адмирала Вирена, и он же проводил бунтовщиков в комнату, где был Вирен. Эти негодяи с криками и гиками вытащили адмирала на Княжескую улицу и потащили к площади Морского собора. По дороге избивали его, и оторвав ему ногу, сбросили с моста, что был против ворот порта, в овраг[25].

[25] Один из участников расправы матрос П.И. Колышкин, захвативший трофей — офицерский палаш адмирала, несколько иначе описывает гибель фон Вирена. В составленных им в 1957 г. мемуарах сказано: «Рано утром с рассветом матросы решили уничтожить всех тех адмиралов и офицеров, а также “шкур”, так называемых боцманов и фельдфебелей сверхсрочной службы, которые являлись наиболее ярыми драчунами и деспотами по отношению к матросам. <...> Подойдя к дому, часть матросов вошли в квартиру Вирена, в квартире находилась жена Вирена, и та лежала на кровати и еле дышала, видимо, с перепуга, и на вопросы матросов она совершенно ничего не отвечала, только что-то стонала. <...> Когда с него (с Вире-

Адмирал Бутаков также был вытащен из кровати, и его повели к той же площади, где ему предложили перейти на их сторону, но он категорически отказался, и когда его поставили к стенке, то перекрестившись на собор, крикнул: «Ну а теперь стреляйте, мерзавцы». Тело его также было сброшено в ров.

Капитан 1-го ранга, кажется, уже был произведен в генерал-майоры, Стронский, командир 1-го Балтийского флотского экипажа, взятый из квартиры тоже в полночь, был сопровождаем кучкой матросов на место казни у памятника адмиралу Макарову, при этом два матроса воткнули ему штыки с двух боков, а другие в это время обрезали ему уши и нос. Полумертвого приставили к стенке и, убив, сбросили в ров.

Начальник Машинной школы капитан 1-го ранга Пекарский[26] был убит на квартире своими же матросами.

Командир 2-го крепостного артиллерийского полка полковник Кисель-Загорянский был убит солдатами, и тело его валялось несколько дней около Владимирской церкви, пока не взяли его родственники.

Помощник кронштадтского полицмейстера Даусон[27] был убит на улице около моей квартиры, когда он проходил в статском платье, с очевидной целью скрыться в доме, в котором жил раньше отец Иоанн Кронштадтский, где был высокий каменный забор.

Старший агент кронштадтской полиции, фамилии не помню, который был грозою для воров и мошенников, спекулировавших в Крон-

---

на. — *Прим. В. Х.-Г.*) сняли шинель, то внизу у него был сюртук с адмиральскими погонами и со всеми орденами. Вирен что-то хотел сказать, но не смог, а только обратился к первому рядом стоящему матросу и спросил: “Что я сделал?” Матрос вместо ответа сильно кулаком ударил Вирена по лицу и сказал: “Ты еще, сволочь, спрашиваешь, что ты сделал матросам”. Но тут сразу матросы зашумели, хотели тут же его убить, но было предложено вести на Якорную площадь и там убить его. Когда вели Вирена на Якорную площадь, то многие матросы били его, а когда привели на площадь, то предложили не убивать сразу, а поставить 5 винтовок с примкнутыми штыками, подбросить его на воздух, и чтобы он упал на штыки и так несколько раз. Так оно и было, а потом уже почти мертвого, в голову ему пустили несколько пуль “Нагана” и потом его бросили в овраг» (см.: *Деконская Н.В.* Палаш адмирала Вирена в коллекции музея «Нарвская застава» // 100 лет Русской революции: сборник научных статей по материалам научной конференции / Под ред. Е.Н. Смирновой. Саратов: Буква, 2017. С. 13,14).

[26] *Георгий Петрович Пекарский* (23 мая 1866 — 1 марта 1917) — капитан 1-го ранга с 1909 г., участник русско-японской войны. Помощник начальника Машинной школы Балтийского флота с 1912 г.

[27] *Николай Иванович Даусон* (10 июня 1865 — 1 марта 1917) — личный дворянин, коллежский советник. Жена Александра Ивановна, сыновья Иван (1903 — после 1922), кадет Морского кадетского корпуса, потом гардемарин, участник Белого движения, в эмиграции в Бизерте; Антонин (1908–2002), режиссер Александринского театра.

Помощник кронштадтского полицмейстера Николай Иванович Даусон с женой и детьми. Убит в Кронштадте 1 марта 1917 г. *Фото 1905 г.*

штадтском порту, был обнаружен несколькими из числа тех, которых он в свое время изловил, и они хотели направить его на расстрел на площадь, но он нескольких из них сшиб кулаком и убежал, и они открыли против него охоту. Он скрылся в доме около «Козьего болота», и когда они ворвались в этот дом, то вылез на крышу и предупредил, что если кто попытается прорваться на крышу, то он его убьет. Один попытался, и он его угробил и сбросил труп на улицу. Матросня, восхищенная его смелостью, стала кричать ему, чтобы он спустился, и они возьмут его под свою защиту. Был он человек очень большого роста и обладал большой физической силой. Матросня пролезла к нему и вывела его из дома и скрыла в казармах.

Мой ближайший приятель капитан 1-го ранга Константин Иванович Степанов, начальник Школы юнгов, был убит при следующих обстоятельствах. Его захватили утром 1-го марта и повели арестованным в Морскую тюрьму, то есть туда же, где и я оказался после полудня того же 1-го марта. У него болела нога и была одета вместо сапога туфля, и он хромал. Когда по пути ему было трудно идти, он останавливался, а матросы подгоняли его. Во время одной из остановок около благовещенской церкви он стал поправлять перевязку на ноге, а матросы начали его подталкивать прикладами. Всю эту сцену видела моя знакомая барышня, окно из комнаты которой выходило на улицу против церкви и была раскрыта форточка. Когда К.И. стал их ругать и сказал, что при-

Митинг на Якорной площади Кронштадта. 1–2 марта 1917 г.

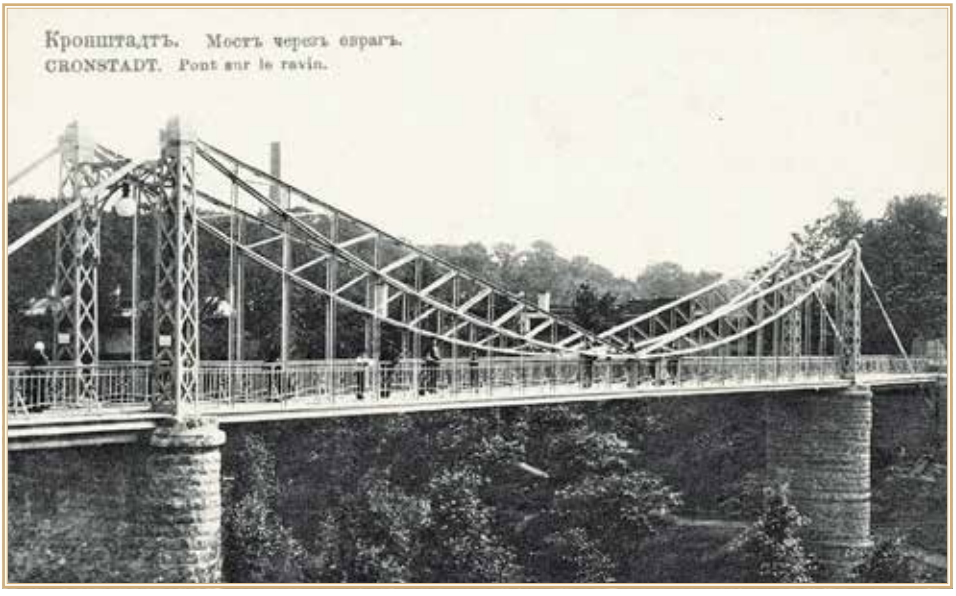
дет суд и на них, то они закололи его штыками и бросили на снежную кучу, бывшую у церкви, а сами ушли. Перечислять убийства других офицеров и частных лиц, которые были расстреляны в эти дни, я не имею возможности, так как многие имена у меня исчезли из памяти, а многие мне и были неизвестны, но помню, что когда уже был в Петербурге, то мне говорили, что всего было убито 67 офицеров и разных лиц.

Так протекала бескровная революция в Кронштадте.

Еще забыл упомянуть о зверском убийстве начальника Учебно-артиллерийского отряда капитана 1-го ранга Повалишина[28], которого, обвязав проволоками, опускали с борта флагманского корабля «Император Павел I» в прорубь около борта — опускали и поднимали до тех пор, пока он не превратился окончательно в глыбу льда. Это тоже бескровное убийство Февральской революции.

В гражданской тюрьме я просидел до 18-го марта без особых неприятностей. Никто меня не беспокоил, и никто не приходил меня допрашивать. Между тем, мои прежние осведомители и сотрудники, оказавшиеся на свободе, работали в мою пользу и благодаря одному из них, которого я не называю, я был освобожден и тотчас же уехал в Петербург. В прежнее время я его выручил из тяжелого положения, в которое он случайно попал, и он этого не забыл. Оказавшись знакомым с членами Революционного комитета, он получил ордер на мое освобождение

[28] *Николай Иванович Повалишин* (1 февраля 1867 — 1 марта 1917) — из потомственных дворян Рязанской губернии, участник подавления Боксерского восстания в Китае, капитан 1-го ранга, в 1915–1917 гг. командир учебного броненосца «Император Александр II» (в составе Учебно-артиллерийского отряда). Писатель.



Мост через овраг недалеко от Княжеской улицы Кронштадта, с которого в 1917 г. сбрасывали убитых офицеров. *Фото 1913 г.*

и приехал в тюрьму на автомобиле и привез на квартиру. Я его, конечно, поблагодарил от души и посоветовал ему только тоже, как можно скорее, убираться из Кронштадта, так как положение очень непрочное и его могут затянуть и разоблачить в связи со знакомством со мной. Этим советом он и воспользовался, так как насколько мне известно, после моего отъезда на фронт он уехал в Сибирь[29].

Я же, прибыв домой, немедленно приготовился к отъезду в Петербург. Дома было все в порядке, и никто семью не беспокоил. Этот унтер-офицер матрос, бывший начальником патруля несколько раз заходил на квартиру и говорил, что если их будут беспокоить, то позвали бы его по телефону. Я же посоветовал быть осторожной жене и что я ни в коем случае в Кронштадт не вернусь, так как если меня до сих пор не разыска-

[29] Имеется в виду Александр Иванович Гуйтов, мещанин города Новоржева Псковской губернии, моторист нестроевой роты Кронштадтского крепостного артиллерийского склада, самый высокооплачиваемый секретный сотрудник (осведомитель) Кронштадтского жандармского управления под кличкой «Каменский», получал 125 рублей в месяц из секретных сумм на агентуру. После Февральской революции вошел в комиссию Исполкома Кронштадтского совета по выяснению степени виновности арестованных офицеров. Сформировал и возглавил Чрезвычайно-следственную комиссию по расследованию работы секретной агентуры Кронштадтского ЖУ. По его ходатайству были выпущены из тюрем все арестованные офицеры Кронштадтского жандармского управления. Пытался бежать из города, но был арестован. Информация Владимирова о его бегстве в Сибирь либо является ошибочной, либо Гуйтову удалось перебраться в Сибирь позднее.

ли, то через некоторое время все равно обнаружат и тогда уже непременно посадят крепко, а потому мне нужно как можно скорее уехать на фронт и там меня уже никто не разыщет. Жене же нужно, по возможности, продать, что возможно, а мебель сдать в склад. Серебро и золото увезти в Петербург и сдать в казенный ломбард.

Взяв с собой сына Бориса, взял знакомого извозчика, того самого, который в свое время возил отца Иоанна Кронштадтского в Ораниенбаум, отправился также в Ораниенбаум. Было еще около 10 часов утра, и мы поспели к поезду, который прибыл около полудня в Петербург.

Оригинал: Columbia University. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Vladimir Vladimirovich Vladimirov Papers. «Fevral'skaia Revoliutsiia v Kronshtadte». P. 1–30.

Подготовка текста, предисловие и комментарии:

Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Московского государственного института культуры
SPIN-код: 5785-9890
ORCID: 0000-0001-9218-0739

Жданов Арсений Сергеевич

юрист, руководитель практики наследственного права «Филиал № 84 Шмелева, Пак, Поспелов» Московской областной коллегии адвокатов

Ключевые слова:

Кронштадт, Февральская революция, В.В. Владимиров, политическая полиция, революционный террор, Бахметевский архив, Балтийский флот.

Vladimir V. Khutarev-Garnishevsky, Arseniy S. Zhdanov

«A NIGHT OF NIGHTMARISH HORRORS». THE FEBRUARY REVOLUTION IN KRONSTADT AS REFLECTED IN THE MEMOIRS OF V.V. VLADIMIROV, CHIEF OF THE SPECIAL DEPARTMENT AT THE BALTIC FLEET

The reader is invited to consider an excerpt from the memoirs of the Gendarmerie Lieutenant Colonel V.V. Vladimirov, head of the special department of the Baltic Sea Fleet headquarters, stored in the Columbia University archives. This source is being introduced into academic circulation for the first time. The published excerpt focuses on the revolutionary events that took place in Kronstadt from February 18 to March 18, 1917. The author of the memoirs, Vladimir Vladimirov, was responsible for ensuring political security throughout the Baltic Fleet and its home ports. Being well-informed about the brewing revolution and the tensions among the soldiers, sailors, and port workers, he accurately assessed the situation but was ultimately unable to prevent the uprising. The publication's title, «A Night of Nightmarish Horrors», is a direct quote from the memoir. The published excerpt pays considerable attention to the course of the Kronstadt uprising, mob violence against the officers and officials, and the survival strategies of the regime defenders on the night of March 1, 1917. The text has been edited to follow the modern Russian language rules.

Keywords: Kronstadt, February Revolution, V.V. Vladimirov, Political Police, Revolutionary Terror, Bakhmeteff Archive, Baltic Fleet.

Text preparation, introduction and comments by:

Vladimir V. Khutarev-Garnishevsky — C.Sc. (History), Associate Professor at the Moscow State Institute of Culturee.

Arseniy S. Zhdanov — Lawyer, Head of Inheritance Law Practice at Branch No. 84 of Shmeleva, Pak & Pospelov under the Moscow Regional Bar Association.